

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СПЕЦНАЗ

Александр
ТАМОНИКОВ

СИРИЙСКИЙ ЭШАФОТ

Президентский спецназ: новый Афган

Александр Тамоников

Сирийский эшафот

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Сирийский эшафот / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2016 — (Президентский спецназ: новый Афган)

ISBN 978-5-699-92667-1

Во время одного из рейдов разведвзвод сирийских правительственных войск попал в засаду боевиков. Почти все разведчики погибли. Несколько человек, в том числе и командир взвода, были захвачены в плен, и теперь их ждет показательная казнь. Спасти пленных поручено группе спецназа капитана Павла Андреева. Опытные бойцы, за плечами которых не одна опасная операция, прибывают на место, когда до расправы остаются считанные часы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92667-1

© Тамоников А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	26
Глава пятая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Тамоников

Сирийский эшафот

© Тамоников А. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.
(От автора)*

Глава первая

Сирия. Одна из северных провинций, селение Фадзин Наше время

На невысоком перевале, в зоне видимости крохотного селения Фадзин, разведывательный взвод сирийской армии под командованием лейтенанта Фариды Сайнака неожиданно наткнулся на чабана. На часах было шесть утра. Полученное задание следовало выполнить как можно скорее, а пожилой сельчанин гнал немногочисленную отару в сторону высокогорных лугов и, словно нарочно, делал это крайне медленно.

При проведении скрытной разведки местности в одном из северных мутафазов бойцам взвода было крайне нежелательно с кем-либо встречаться. Даже с местными жителями, никогда не державшими в руках оружия. Мало ли... Северные провинции долгое время оставались под контролем вооруженных формирований ИГИЛ, многие молодые боевики были завербованы террористами из таких же небольших селений. Поэтому лейтенант приказал всем залечь и ждать, пока отара исчезнет из поля зрения. Раз уж не успели проскочить до прохода отары, то теперь можно не торопиться.

Однако ждать пришлось дольше, чем рассчитывал опытный офицер. Дорога, по которой двигалась отара, справа была ограничена крутым склоном, а слева – неглубоким оврагом. В этот овраг и скатился один из неуклюжих молодых барашков.

Простой народ в северной Сирии большим достатком не отличался. Да и не только в северной. С началом «арабской весны» в марте две тысячи одиннадцатого года уровень жизни в стране неуклонно понижался. По мере перерастания массовых беспорядков в полномасштабный вооруженный конфликт целые регионы погружались в хаос, терзали голод, эпидемии, никем не контролируемые вооруженные преступные группировки.

Как бы там ни было, а потеря барана для одной из семей забытого Аллахом селения явилась бы существенным убытком, потому пастух и решил спуститься за несчастным животным, жалобно блеявшим со дна оврага. Сбросив с плеча холщовый мешок и ощупывая палкой рыхлую почву, он приступил к «спасательной операции».

Глубина овражка была небольшой – чабан со спасенным животным мог вернуться на дорогу с минуты на минуту. Пришлось взводу пережить и эту заминку...

– Хорошо, что у старика нет собак, – шепнул заместитель командира взвода сержант Юнис Такаль.

– Ты прав, – кивнул лейтенант. – Собаки давно бы нас унюхали и подняли лай.

Наконец пастух с бараном на плечах вылез из оврага. Отпустив животное, он отряхнул одежду, и отара в полном составе двинулась дальше в горы.

А взвод, выждав для верности минут пятнадцать, пересек дорогу в северо-западном направлении и по овражку направился в сторону селения...

Селение Фадзин находилось на плоской вершине небольшой возвышенности. С расстояния в пару километров вид этого населенного пункта напоминал картинку из сказки – ровный холм, окруженный разноцветными засеянными полями и виноградниками, и аккуратный городок на вершине с вознесенным к чистому синему небу минаретом.

Для малонаселенной горной местности Фадзин казался довольно большим. Пыльная грунтовка, проходившая по возвышенности с севера на юг, делила селение на две равные части и, по сути, являлась единственной магистральной улицей. Параллельно ей тянулись еще три или четыре улочки. А с востока на запад Фадзин расчерчивало множество коротких тупиков и проулков. Все участки, коих насчитывалось около полусотни, были маленькими и имели прямоугольную форму. Двухэтажные дома украшали лишь центр, периферия же была сплошь застроена скромными одноэтажными хибарами.

Лейтенант Сайнак вел взвод из тридцати человек к селению, выполняя разведывательную миссию. Прошедшей ночью командование поставило ему задачу выяснить, нет ли в Фадзине и его окрестностях вооруженных формирований оппозиции и Исламского государства. На следующий день в данный район предстояла плановая переброска двух рот из батальона майора Бадара – в Генеральном штабе сирийской армии готовилась масштабная операция по вытеснению сил противника к северу. Исходя из этой стратегической задачи, взводу надлежало произвести разведку местности.

Взвод подошел к селению на дистанцию прямой видимости, закрепился на удобной позиции, после чего Сайнак выслал две группы для детального осмотра холма со всех сторон. Одну группу в составе трех человек возглавил командир второго отделения сержант Амин Матри. Вторую – командир третьего отделения сержант Бурхан Касар.

– «Бакан», ответь «Четвертому», – спустя полчаса послышался голос Матри.

Лейтенант с нетерпением ждал сообщений от командиров групп и сразу ответил:

– Да, «Четвертый», «Бакан» на связи!

– Обошел холм с запада, нахожусь на одиннадцать часов от центра населенного пункта. Все чисто. Видел только пару гражданских.

– Понял тебя. Возвращайся.

Позывной «Бакан» был присвоен командиру взвода. Далее шли цифровые позывные: заместитель командира взвода сержант Такаль – «Второй»; командир первого отделения сержант Найзур – «Третий», командир второго сержант Матри – «Четвертый» и так далее. Связист Акиль Башар имел последний во взводе позывной – «Шестой».

Спустя несколько минут последовал аналогичный доклад от «Пятого» – Бурхана Касара, обошедшего холм с востока:

– «Бакан», я – «Пятый». Обследование восточного сектора закончил. Ничего подозрительного не замечено.

– Понял, «Пятый». Жду твою группу.

– Значит, везде чисто, и можем идти в селение? – обрадовался Такаль.

– Можем. Сейчас дождемся парней и тронемся, – устало вздохнул лейтенант. И хлопнул заместителя по плечу: – Но ты не расслабляйся – основная работа нас ждет впереди. А потом еще возвращаться в Таиф.

– Считаешь, в Фадзине могут быть неприятности?

– Никто пока этого не знает. С появлением в нашей стране российской авиации террористы из ИГИЛ стали осторожнее – перемещаются в основном ночами. Поэтому встретить их можно в самых неожиданных местах.

– Это верно, – согласился сержант.

Лейтенанту Фариду Сайнаку недавно исполнилось тридцать. Он был опытным бойцом: успел повоевать и в Дамаске, и на окраине Алеппо, и в восточных провинциях Сирии. Прошел все ступени – от рядового до офицера. Получил несколько ранений, имел две правительственные награды. В общем, был авторитетным воякой, с мнением которого считался даже командир батальона майор Месед Бадар.

– Внимание, бойцы! – обратился лейтенант к подчиненным, когда обе группы вернулись на позицию взвода. – Вокруг селения подозрительных лиц не обнаружено. Настало время двинуться в Фадзин и проверить его кварталы. Для этого мы разделимся и войдем в него с трех сторон. Бойцам приготовиться к выходу! Командиры отделений – ко мне!

К сидящему на камне лейтенанту подошли три сержанта: Адан Найзур, Амин Матри и Бурхан Касар.

– Предлагаю поступить следующим образом, – сказал Сайнак. – Мы с заместителем и с первым отделением Найзура прочесываем центральную улицу, двигаясь к центру Фадзина с

юга на север. Отделение Амина обходит селение с запада – ты, Амин, только что был там с разведгруппой, и маршрут уже более или менее знаком, верно?

– Да, командир, – кивнул тот.

– Вот и хорошо. Войдешь в Фадзин с запада и, направляясь к центру, прочешишь окраину.

– Понял.

– Ну, а тебе, Бурхан, достается восточная окраина. Порядок тот же: следуешь со своим отделением по известному маршруту и заходишь в селение с восточной окраины. Встречаемся у мечети на центральной площади, закрепляемся, затем сообща проверяем северную часть и уходим. Приблизительное время встречи – восемь часов двадцать пять минут.

– За сорок минут успеем добраться до площади? – с сомнением глянул на часы заместитель.

– Должны. Проверяем улицы и проулки, по возможности заглядываем на участки и в дома. Но задерживаться не стоит. Еще вопросы есть?

Задача была предельно ясна, и других вопросов не последовало.

– На этом все, – подхватив автомат, поднялся лейтенант с камня. – Не забываете о докладах по радио. Выходим...

Информация о разведывательном рейде взвода лейтенанта Сайнака поступила в штаб одной из бригад ИГИЛ накануне вечером.

Ознакомившись с информацией, заместитель командира бригады Ахмад Хамани немедленно вызвал давнего друга и заместителя – младшего полевого командира Давуда Газала.

– Сколько ты привел людей из Ракки? – спросил он у него.

– Вместе со мной – пятнадцать человек.

– Как ты мог так облажаться перед американцами, Давуд? – покачал головой Ахмад, хотя объяснения по этому поводу выслушал уже дважды. – Ведь эти изнеженные толстосумы никогда не умели воевать!

– Я же говорил, – промямлил тот. – Нас засекли при смене позиции и...

Он хотел добавить что-то еще, но именитый полевой командир перебил Газала:

– Главным условием успеха любой операции является скрытность – я твержу тебе об этом каждый раз, отправляя в довольно простые рейды! Если твою группу перехватывает патруль или засекает разведка – то операция обязательно провалится, не успев начаться.

– Да, это я запомнил.

Пройдясь по одной из комнат просторного дома, Хамани погасил в себе порыв гнева и более спокойным голосом поинтересовался:

– Все ли твои воины здоровы?

– Почти все. Двое с легкими ранениями, но воевать могут.

Его отряд менее суток назад вернулся из-под Ракки, где шли ожесточенные бои с коалиционной группировкой США. Более десяти человек его отряда были убиты, несколько тяжело ранены. Двое получили неопасные касательные ранения, остальные выглядели сильно уставшими.

– Я знаю, что твоим людям следовало бы отдохнуть. Но ты должен меня понять: в нашем распоряжении сейчас нет ни одного боеспособного и свободного подразделения, кроме твоего.

– А что нужно сделать?

– Выполнить одно срочное задание. Твои люди отдохали и отсыпались целые сутки, так что включай внимание и слушай...

До войны Ахмад Хамани успел отучиться два года в Дамасском университете. Рослый и слегка худощавый мужчина со смуглой кожей, карими глазами и черными как смоль волосами был спокойным, грамотным и чрезвычайно понятливым в тактических вопросах военачальни-

ком. Те операции, разработкой которых он занимался лично, как правило, имели оглушительный успех.

Газал же был его полной противоположностью. Он вообще не имел образования, если не считать трех лет сельской школы, где его обучили элементарной грамоте, письму и счету. Давуд отличался подвижностью и крайней вспыльчивостью, что, впрочем, не распространялось на общение с командным составом – с большими командирами, включая Хамани, он вел себя сдержанно и с почтением. С равными часто спорил, отчаянно помогая жестикуляцией. В тонкости тактики и стратегии никогда не вдавался, ибо был не способен запомнить и понять того, что превосходило по сложности таблицу умножения. Одним словом, производил впечатление человека поверхностного, поэтому рассчитывать на серьезные задания и повышение по службе не мог.

Хамани разложил на столе карту и обвел красным карандашом высотку, на плоской вершине которой расположилось селение Фадзин.

– Слушай и запоминай, – сказал он. – Часам к девяти утра следующих суток к этому селению должен подойти разведывательный взвод сирийской армии.

– Зачем им сдалась эта дыра? – склонился над картой Давуд.

– Возможно, это и дыра, но, с точки зрения стратегии, данное село имеет определенное значение. Видишь дорогу, прошивающую Фадзин с юга на север?

– Вижу.

– Она тянется до самой Турции. И по ней, между прочим, с успехом можно переправлять нашу нефть.

– Понял. Это другое дело.

– Так вот. Тридцать человек из батальона майора Бадара будут ближайшей ночью отправлены сюда с целью проведения разведки. К утру взвод прибудет в Фадзин, и, если разведчики выяснят, что в этом селе никого из наших нет, вскоре туда передислоцируется часть батальона вместе с десятком танков, с минометами и артиллерией. Это серьезная сила, и мне не хотелось бы видеть ее в своем тылу.

– Я понимаю твою озабоченность, – кивнул Давуд. – Но что ты предлагаешь?

– Сегодняшней ночью твой отряд должен тоже скрытно переместиться в район Фадзина. Там ты хорошенько спрячешь машины, войдешь в селение и подберешь удобные позиции для засады. Мой расчет строится на том, что ты попадешь в Фадзин раньше разведчиков Асада. Далее вам останется дожидаться появления разведывательного взвода.

– Хочешь, чтобы мы атаковали этот взвод?

– Ты поразительно догадлив, Давуд. Не только атаковали, но и уничтожили его.

– Но их в два раза больше! И потом, это ведь разведчики.

– Ну и что?

– С разведчиками всегда непросто, – растерянно пожал плечами Газал.

– Что-то я не узнаю тебя, брат, – пристально посмотрел на старого друга Хамани.

– Прости, устал я за последний месяц, – вздохнул полевой командир.

– Ладно, – приобнял его Ахмад. – Ничего невозможного мое задание не предполагает. Во-первых, на вашей стороне будет внезапность. Во-вторых, пяток хороших воинов я тебе все же подкину, и вас уже будет двадцать. Ну, и, в-третьих, обеспечу твой отряд боеприпасами...

Ехать предстояло далеко, поэтому собираться в дорогу боевики начали засветло. Залили в баки пикапов и внедорожников горючее, почистили оружие, снарядили патронами магазины, подготовили и проверили снаряжение.

Выехали из расположения бригады в десять вечера на пяти автомобилях. В кузовах трех пикапов были установлены крупнокалиберные пулеметы «браунинг», которые при желании снимались с зенитных турелей и использовались в качестве пехотных. Из вооружения Хамани

подкинул два гранатомета и два ручных пулемета. Боеприпасами также обеспечил сверх обычной нормы.

Провожая отряд, он отвел Газала в сторону и сказал:

– Можешь уничтожить взвод полностью – никто с тебя за это не взыщет. Но если удастся взять живьем командира и парочку сержантов – лично выдам тебе и каждому бойцу денежную премию.

Деньги Газал любил, поэтому предложение показалось ему заманчивым.

– Я обязательно возьму живым их командира! – пообещал он. – Клянусь!

«Он никогда не станет другим – таких людей, как Газал, невозможно переделать! Да и незачем переделывать, – рассуждал, возвращаясь в селение, Хамани. – Их просто нужно использовать, учитывая все нюансы нравов, привычек, темперамента. Использовать на полную катушку, а потом выбрасывать как отработанный материал...»

Ехали всю ночь. Чтобы соблюсти скрытность, на автомобилях были включены только габаритные огни и ближний свет фар, поэтому скорость передвижения была небольшой.

До места добрались затемно – небо на востоке даже не успело окраситься в фиолетовый цвет. Машины укрыли в низинке за виноградниками, что притаилась в двух километрах от селения Фадзин. На всякий случай у внедорожников оставили одного водителя с оружием и портативной рацией. И, растянувшись в колонну, направились к холму.

Перед городом остановились для утренней молитвы. Помолвившись и наскоро перекусив, вошли в Фадзин с севера.

На часах было около пяти часов утра. Сельчане к этому времени уже проснулись: кто-то, взгромоздив на плечи корзины или нехитрые орудия крестьянского труда, направлялся в сторону засеянных полей, кто-то выгонял со двора баранов, кто-то гремел во дворе медной посудой...

Отряд Газала проследовал по улице до центральной площади.

«Площадью» это открытое местечко можно было назвать с большой натяжкой. Просто центральная улица, рассекавшая селение на две почти равные части, в этом месте становилась немного шире. С одной ее стороны находилась мечеть с небольшим куполом и высился минарет, с другой – торчал единственный столб с фонарем. Ближе к южной оконечности имелся крохотный базар – несколько низких деревянных столов и лавок под матерчатыми навесами. Должно быть, по выходным дням местные жители раскладывали на столах овощи, фрукты, куски баранины и вещицы из небогатого скарба. Сбоку от базарчика и точно напротив мечети стоял добротный одноэтажный дом, на фасадной стене которого красовалась вывеска магазина.

На том достопримечательности Фадзина кончались.

Один из боевиков отряда по имени Кахтан был родом из этого забытого Аллахом селения.

– Наведайся к своим, – разрешил Давуд Газал.

– С радостью! – загорелись у того глаза.

– Иди проведай. Заодно объясни, зачем мы пришли. И пусть твои родственники пройдут по соседям.

– Зачем?

– Пускай скажут, чтоб они вели себя как обычно и ничем не выдали нашего присутствия. Ты ведь понимаешь, что главное в нашей операции – скрытность.

– Да, Давуд, понимаю. Я все сделаю.

– Иди. У тебя ровно полчаса...

Неловко поддерживая болтавшийся за спиной автомат, Кахтан побежал по проулку. А полевой командир после осмотра центральной части селения призвал четверых самых опытных воинов. Джанах Канур, Заир Нахди, Иса Малак и Кабир Рамин давно воевали с Давудом и являлись командирами небольших боевых групп по пять-шесть человек.

Собрав их вокруг себя, Газал поставил задачу по выбору позиций для засады, при этом доходчиво обосновал необходимость полного контроля центральной площади, миновать которую разведывательный взвод не сможет.

– Они по-любому пройдут здесь, – убежденно сказал он. – Либо начнут прочесывать Фадзин отсюда, либо площадью закончат.

Подчиненные разошлись в разные стороны. Спустя четверть часа от них стали поступать первые доклады по радио.

– «Саран», ответь «Джану», – позвал Канур.

– Да, «Джан», слушаю.

– Позиция для моей группы определена.

– Понял тебя. Где именно ты разместил людей?

– В старом одноэтажном доме, фасад которого выходит на центральную площадь.

Осмотревшись, Давуд понял, о каком доме идет речь. Развернув полученную в штабе бригады карту, он отметил позицию первой группы.

– Хорошо. Закрепляйтесь и осматривайтесь – я через полчаса наведу.

Вторым доложил Заир Нахди:

– «Саран», я – «Зар».

– «Саран» отвечает «Зару».

– Занял позицию севернее центральной площади. Дом находится немного в глубине квартала.

– Площадь с позиции простреливается?

– Да, полностью.

– Отлично. Будь на связи...

– «Саран» – «Исаху».

– Да, «Исах», «Саран» на связи.

– Моя группа расположилась левее мечети.

– Намного левее?

– Метров двадцать. Видишь участок со сломанным сараем?

– Вижу.

– Мы вдоль приземистого забора.

На карте появилась третья отметка.

– Понял. Выставляй двух дозорных и жди.

Наконец последним доложил о выполнении приказа Кабир Рамин.

– «Саран», ответь «Кабру».

– «Саран» отвечает «Кабру».

– Позицию занял. Группа находится на противоположной от мечети стороне площади.

– Между магазином и жилым домом?

– Да, здесь заброшенный сад и развалившийся забор.

Поставив четвертую отметку на карте, Давуд с удовлетворением хмыкнул. Площадь оказалась в кольце его людей.

– Понял тебя, «Кабр». Приготовься к встрече «гостей»...

Последним штрихом в подготовке операции стала отправка связиста Биляла Шани на один из соседних южных холмов.

– Отыщи укромное место под кустом, – напутствовал полевой командир, – и смотри в оба. Они наверняка подойдут с юга.

– Я должен сообщить тебе, как только они появятся?

– Все верно, Билял. При этом не забудь определить численность и вооружение.

– Хорошо, Давуд. В этом нет ничего сложного. А что я должен сделать потом, когда противник пройдет?

- Постарайся вернуться к площади – на одну из наших позиций.
- Понял...

Вскоре вернулся Кахтан – радостный и полный впечатлений от встречи с семьей.

- Младший сын уже научился говорить, – сообщил он командиру.
- Все здоровы? – по традиции поинтересовался тот.
- Да, слава Аллаху!
- Рад за тебя и твоё семейство. Пошли, нам пора занимать позицию...

Давуд Газал с Кахтаном присоединились к первой группе, обосновавшейся за низким забором, опоясавшим небольшой участок вокруг старого дома. Дом пустовал – его единственный обитатель полчасом ранее угнал на горные луга отару овец.

Бойцы приготовили оружие, боеприпасы, после чего успели набить трубки или выкурить по сигарете.

Примерно в шесть тридцать утра рация оживила. На связь вышел наблюдавший за южным сектором связист.

- «Саран», я – «Сабир», – позвал он взволнованным голосом.
- Слушаю тебя, «Сабир»!

– «Саран», только что грунтовку в северо-западном направлении пересекла группа солдат сирийской армии.

- Сколько их?
- Около тридцати. Все неплохо вооружены, у двоих видел ручные пулеметы.
- Понял. Продолжай наблюдение и докладывай об их действиях каждые семь-восемь минут.

Газал тут же предупредил командиров групп о появлении в южном секторе противника и приказал усилить внимание. После чего высунул голову над каменным заборчиком, поднес к глазам бинокль и принялся осматривать уходящую на юг центральную улицу Фадзина...

Разведчики осторожно продвигались к центру селения, проверяя участок за участком, дом за домом и проулок за проулком. У каждого перекрестка дозорные притормаживали, согнувшись, подбирались к краю очередного дувала и под прикрытием своих товарищей осматривали примыкавшие улочки. Затем понятными жестами «семафорили» основной группе и продолжали движение...

Попадавшиеся по пути местные жители относились к вооруженным людям с опаской и настороженностью. Завидев мужчин с автоматами, они либо прятались в домах, либо быстро исчезали в соседних переулках. Ничего удивительного в этом поведении не было. За годы военного противостояния официальной сирийской власти с ИГИЛ и оппозицией мирные обитатели сел и городов поняли простую истину: не хочешь неприятностей – не попадайся на глаза тем, у кого в руках или за спиной автомат.

С начала этого года ситуация в Сирии несколько улучшилась, чему способствовали регулярные авиаудары российских ВКС по основным позициям ИГИЛ и заключение соглашения о прекращении огня с оппозицией. В Дамаске стало спокойно, так как непосредственно в городе боевые действия уже не велись. В связи с этим в столицу стала возвращаться молодежь, восстановили работу государственные учреждения и даже увеселительные заведения. В других городах, что издавна находились под контролем сирийской армии, и в тех, которые войска взяли недавно, жизнь нормализовалась и была ключом. Интенсивное автомобильное движение, ремонт разрушенных войной зданий и инфраструктуры, железнодорожное сообщение между городами, наполненные продуктами и вещами магазины, толпы горожан.

На нейтральной территории или в провинциях, подконтрольных террористам, все обстояло по-другому. Настороженность жителей, обманчивая тишина, разруха и неуверенность в будущем.

Вскоре все три группы осмотрели свои секторы, не обнаружив ничего опасного и подозрительного. До центральной площади с вознесшимся к небу минаретом оставалось не более сотни метров.

– Я – «Бакан», – негромко сказал в микрофон радиостанции лейтенант. – «Третий», «Четвертый», «Пятый» – доложите обстановку.

Командиры отделений по очереди доложили об окончании проверки.

– Площадь наблюдаете? – поинтересовался он.

Те ответили утвердительно.

– Дружно выходим на площадь и встречаемся у мечети...

Это были последние слова сирийского офицера, сказанные относительно ровным и спокойным голосом. Уже через минуту центр селения потонул в трескотне очередей и взрывах ручных гранат. А сам лейтенант, стараясь перекричать грохот выстрелов, отдавал приказы отделениям о спешном отходе к южной окраине...

Глава вторая

Российская Федерация, Москва – Климовск Несколько дней назад

Покинув Управление специальных мероприятий Министерства обороны, группа Андреева подошла к ожидавшей на служебной стоянке машине. За рулем дремал знакомый водитель-прапорщик.

– Просыпайся, Семен! – хлопнул ладонью по капоту капитан Андреев.

– А? Что?.. – очнулся тот.

– Багажник открой, соня! Вещички надо бросить...

Водитель выскочил из салона, потрянул головой и засеменил к багажнику.

– Такой сон снился – прям цветное кино, – ворчал он, откидывая крышку. – Весь кайф сломали, черти!

– У тебя будет время его досмотреть, – посмеиваясь, укладывали свои пожитки снайперы.

Пожитки состояли из нескольких длинных футляров и чемоданчиков с оружием, из сумок с боеприпасами, прицелами, биноклями, приборами ночного видения и прочими причудами для снайперской работы.

Андреев устроился на правом переднем сиденье, два его боевых товарища расположились сзади.

– Поехали, родной, – ласково попросил капитан.

– Поехали. А куда, Паша?

– Да проснись ты, наконец! Я же тебе час назад говорил: в сторону Подольска!

– В Подольск так в Подольск... – крутанув ключ, запустил тот двигатель и, глянув в зеркало заднего вида, резко рванул с места.

На улице уже стемнело, но плотность автомобильного потока на московских улицах не снижалась. После окончания рабочего дня жители столицы покидали центральную часть города и разъезжались по спальным районам. Большому черному внедорожнику предстояло долго плестись в пробках по Варшавскому шоссе, прежде чем поток поредеет и наберет приемлемую скорость...

В салоне стояла тишина, каждый думал о своем. Это было большой редкостью – как правило, в таких поездках между Суровым и Гридом обязательно возникал спор или начиналась беседа на тему... Впрочем, тема могла быть самой неожиданной: политика, семья, женщины, здоровый образ жизни, служба в армии и тому подобное. Павел редко встречал в их философию и предпочитал либо спать, либо о чем-то размышлять. Вот и сейчас он смотрел на бегущее навстречу дорожное полотно и вспоминал юность.

Старший лейтенант Евгений Суров копался в сотовом телефоне и общался с помощью SMS-сообщений с очередной девицей.

Прапорщик Валерий Грид, глядя на проплывавшие мимо кварталы высоток, чему-то улыбался. Наверное, тоже припоминал давнюю молодость или пройденный боевой путь...

После Первой чеченской войны руководство Российских Вооруженных сил сделало неутешительный вывод о том, что снайперская война на Кавказе безоговорочно проиграна. В этом не было ничего удивительного, ведь около пятидесяти лет наша армия не имела специальных учебных подразделений для подготовки снайперов. Сделав правильные выводы, Министерство обороны решило в кратчайшие сроки исправить эту ошибку, и к концу девяностых годов в Солнечногорске открылся специальный учебный центр для подготовки снайперов. Первых курсантов пришлось набирать по всем военным округам, а в качестве инструкторов искали наиболее способных и талантливых офицеров.

Из снайперской группы, ехавшей в сторону Подольска, двое имели к солнечногорскому учебному центру самое непосредственное отношение. Капитан Павел Андреев более двух лет

прослужил в нем инструктором, а прапорщик Валерий Грид прошел полный курс подготовки. Женьку Сурова бог уберег от сурового курсантского быта, жития в казарме, ранних подъемов и солдатской нормы питания. Он попал в группу элитных снайперов иным путем – после многих лет упорных тренировок и звучных побед в спортивных состязаниях.

– Как же вы задолбали! – вдруг проворчал Семен.

– Это ты кому? – уперлись в водилу взгляды всех снайперов.

– Да этим... которые всех равнее! – сквозь зубы проговорил тот и принял правее, уступая полосу истошно сигналящему автомобилю с «красивыми» номерами.

– Чиновники? – ухмыльнулся Грид.

– Хрен их знает, кто! Проще по тротуарам ездить, чем каждую секунду мониторить зеркала. Хуже пьяных, черт бы их побрал!

Вздыхнув, Андреев промолчал. Его тоже бесило то, что творилось в стране в последние годы. Но что он мог поделать? Тявкни на каком-нибудь собрании или где-нибудь в Интернете о своем несогласии с последними законами, тут же запишут в экстремисты. Законы ведь тоже сочиняли те, кто по-свински вел себя на дорогах...

Павел Андреев родился и вырос в небольшом областном городе, расположенном в средней полосе России. Родители имели высшее образование, сына очень любили, но воспитывали правильно – без поблажек, баловства и сюсюканья.

Парень рос здоровым и умным. К шестнадцати годам он побеждал на соревнованиях по легкой атлетике и пулевой стрельбе. А после череды побед на олимпиадах по физике получил приглашение закончить одиннадцатый класс в лучшем физико-математическом лицее города. На семейном совете было принято решение перевестись в лицей и получить заветный аттестат о среднем образовании в его стенах.

Припомнив перевод, Павел не смог сдержать улыбку.

Дело в том, что в прежней школе физику преподавал пожилой учитель со странной фамилией Слобода. Довольно злой и до предела требовательный. Пацаны его ненавидели, а девчонки на экзаменах падали в обморок. Но хорошо знать физику он заставил. Причем всех. Именно хорошо, так как на «отлично» ее знал только сам Слобода.

В новом лицее этот предмет вела завуч Пантелеева – высокая властная женщина с грубоватым голосом. На первом же уроке Павел понял, что ничего нового она не расскажет – данный материал в старой школе был изучен как минимум год назад. Поэтому он не стал терять время и, познакомившись с соседкой – симпатичной длинноволосой девчонкой, – шептался с ней о чем-то далеком от физики.

На фразе из биографии великого голландского физика-теоретика Хендрика Антона Лоренца терпение Пантелеевой лопнуло.

– Кажется, новому ученику на нашем уроке не интересно, – строго сказала она, подняв Андреева. – Наверное, он все знает?

Павел вздохнул, не решившись вслух подтвердить ее предположение.

– Может быть, тогда ты сам расскажешь классу о действии магнитного поля на движущийся заряд?

Вероятно, она думала, что добьет его этой финальной фразой.

Как бы не так.

Андреев подошел к доске, отчеканил определение «силы Лоренца», написал, чему равен ее модуль. Далее нарисовал отрезок тонкого прямого проводника под током, снабдил рисунок пояснительными сносками. Затем начертил формулу и с ее помощью объяснил связь силы тока с зарядом частиц, с концентрацией зарядов и скоростью их упорядоченного движения.

Все выглядело четко, понятно, убедительно. И красиво.

В классе стояла мертвая тишина. Никто не перешептывался и не передавал записок. Все с открытыми ртами смотрели на Павла и завуча, ожидая развязки.

Пантелеева тоже несколько секунд пребывала в шоке. А потом задала единственный вопрос:

– Где и у кого учился?

Услышав номер школы и фамилию Слобода, она незаметно улыбнулась и разрешила сесть. И до конца учебного года больше ни разу не вызвала Андреева к доске, а за все контрольные работы и семинары неизменно ставила высшие баллы.

Учителя лица советовали Павлу после выпускных экзаменов поступать в титульные московские вузы, но он пошел по своему пути и отправил документы в Рязанское высшее воздушно-десантное училище.

Родители его решение поддержали.

– Работы в Подольске много? – поинтересовался скучавший водитель.

– Как получится, – очнулся от воспоминаний капитан. – Только нам не в сам Подольск, а чуть подальше.

– Это куда же?

– В Климовск.

– Знаю такой, – кивнул Семен.

После МКАД поток машин ослаб и двигался порезвее.

Андреев посмотрел на часы. Двадцать два тридцать. К месту группа должна была прибыть не позже полуночи, так как операция по устранению террористической группировки назначена на час тридцать ночи. На месте дежурит наблюдение во главе с полковником Копыловым, квартал поселка оцеплен сотрудниками ФСБ. Ждут только снайперскую группу. Пока Павел с коллегами подъедет, разберется на месте, осмотрится, выберет позиции, подготовит оружие и снаряжение... В общем, в самый раз.

Лишь бы по дороге не случилось заминок. А то ведь всякое происходит. Однажды вот так же ехали (только в северном направлении) и вылетели с трассы из-за пьяного лихача. В результате начало операции по захвату преступной группы пришлось отложить на сутки. Ведь без поддержки профессиональных снайперов нынче не обходится ни одно серьезное дело.

Кто-то спросит: почему? На самом деле, ответ довольно прост.

Серьезные преступные группировки сейчас оснащены и подготовлены не хуже профессионалов из спецслужб. Дисциплина в них строжайшая, все обязанности строго распределены. Имеются в них штабы, в которых детально разрабатываются операции. Есть водители с большим стажем. Есть разведчики и агенты, поставляющие информацию. Есть и боевики, среди которых в особую касту выделяются снайперы – бывшие вояки, прошедшие горячие точки и имеющие немалый опыт.

Во время чеченских кампаний среди снайперов противника для уничтожения максимального числа российских военнослужащих был распространен такой прием: сначала стрелок легко подстреливает нашего солдата и выжидает, после чего обездвигивает тех, кто приходит ему на помощь, а затем методично добивает всех по очереди.

Именно с таким приемом одной из групп спецназа ФСБ пришлось столкнуться несколько лет назад при ликвидации известной банды. Позже выяснилось, что в банде действовал опытный снайпер-одиночка, прошедший обе чеченских войны. Он-то и положил троих ребят из ФСБ, обороняя подступы к «малине».

Эффективные действия противника, как известно, всегда толкают на поиск не менее эффективного противодействия. После того случая руководство приказало в обязательном порядке использовать в контртеррористических операциях мобильные снайперские группы, способные противостоять подавшимся к бандитам спецам.

«Понеслось», – вздохнул про себя Павел, когда понял, что сзади опять началась дискуссия.

Грид с Суровым спорили и обмусоливали злободневные темы каждый раз, как только судьба сводила их вместе и отправляла хотя бы за несколько километров от родного дома. Тема дискуссии была не важна, главное – наличие свободного времени и относительной тишины. Андреев никогда в их споры не вмешивался. Они же никого не трогали, не оскорбляли. Безрезультатно искали истину и так... дурачились в собственном соку.

«Поселить бы Валерку с Женькой на полгода в одной квартире, – мечтал в такие моменты капитан. – Да так, чтобы не выходили, а постоянно нос к носу. Может, тогда исчерпали бы разговорный лимит...»

– ...Я тебе, Женя, так скажу, – низким голосом рассуждал прапорщик, – в мире есть только две нации, реально умеющие воевать. Это немцы и мы – русские.

– А японцы?! – распаляясь, не соглашался молодой старлей. – Да и «пиндосы» не пальцем деланы – тоже на кое-что способны.

– Брось, какие из них вояки! – отмахнулся Грид. – Вот послушай одну историю со слов моего бати. Он, между прочим, хоть и семнадцатилетним пацаном на фронт попал в сорок третьем, но до Берлина пешком всю Европу протопал.

– Давай! Истории от фронтовиков – это всегда вне очереди.

Валера неторопливо подпалил сигарету, затянулся и, выпустив клуб сизого дыма, начал:

– После победы батю моего оставили в армии еще на семь лет. Сразу-то домой отпустили тех, кто в годах да израненный. А ему пришлось и в Германии связистом потрудиться, и по гарнизонам в Союзе помыкаться. Но и его службе пришел конец – в пятьдесят втором демобилизовали.

– Он еще холостым был?

– Да, с моей мамой они на Дальнем Востоке познакомились, куда он и рванул в пятьдесят четвертом. Там устроился в рыболовецкую артель и стал на маленьком суденышке регулярно ходить в море. И вот однажды, году в шестидесятом, спасли они команду тонущего японского траулера – человек пятнадцать на борт подняли, привезли в свой порт, сдали. Япошек тогда подлечили и отправили на родину, а у меня до сих пор хранится благодарственное письмо от японского консула. Потом семья моя переехала на Большую землю – в село, где вырос отец. Там я у них и родился. Году этак в девяносто втором, когда отцу уже было далеко за шестьдесят, один из спасенных рыбаков отыскал его и прислал длинное письмо, где в очень вежливой форме приглашал посетить его страну и встретиться у него дома, все расходы, естественно, он брал на себя.

– Ого! – удивленно тряхнул шевелюрой Женька. – И что же, принял твой батя приглашение?

– А чего ж не принять? Он уже отдыхал на заслуженной пенсии, но форму держал: здоровый был, не болел. К тому же япошка и в наш МИД письмецо нацарапал: так, мол, и так, посодействуйте. Оттуда какой-то представительный мужик позвонил в областную администрацию и распорядился немедленно оказать посильную помощь. В общем, отца с матерью в эту поездку собирал весь район.

– Ну и? – нетерпеливо елозил по сиденью старлей.

– Прилетели они в Токио – в аэропорту встречает представительная делегация с цветами. Сначала, как и полагается: пресс-конференция с журналистами и телекамерами, слова благодарности от спасенных и их родственников. Потом обед в традиционном стиле и обзорная экскурсия по столице. Ну, а после тот японец привез их к себе домой, в пригород Токио. Его сын владел небольшим бизнесом по вылову краба, постоянно контактил с нашими рыбаками и неплохо знал русский язык. Он и стал переводчиком в долгом разговоре.

– О чем же они говорили?

– О разном. Вообще-то познания среднего японца о России довольно мало отличаются от фантазий Геродота с его Гипербореей. В японской ментальной вселенной к северу от острова Хоккайдо начинается неизведанная черная дыра, которая простирается до восточных границ Германии. Далее японский телескоп вновь улавливает свет далеких звезд, и жизнь продолжается. Но спасенный японец здорово отличался от стандартных параметров и знал о России гораздо больше любого японского астронома. Он тоже был в возрасте – даже постарше моего отца – и тоже повоевал во Второй мировой. И вот что отметили мои родители: при общении японцы выказывали гостям из России чересчур уважительное отношение. Вроде бы понятно: во-первых, отец принимал участие в спасении тонущих рыбаков, во-вторых, японская нация вообще помешана на традициях и, в частности, на уважении старших. Но тут было не просто уважение, а какой-то пиетет с возведением в статус богов.

– В чем же было дело?

– Мой отец, не избалованный подобным отношением на родине, за рюмкой саке тоже поинтересовался причиной такой странности. На что старый японец ответил: «Для людей моего поколения это норма. Чувство огромного уважения к русским мы унаследовали после войны».

– Мы же практически не воевали с ними! – воскликнул Суров.

– Воевали. Только недолго, но зато очень эффективно. Мой отец продолжал расспрашивать японца, и тот рассказал: «Когда началась война, мы знали свою собственную силу, а она была огромной. Прекрасно видели, как ведут против нас войну американцы, британцы, канадцы и австралийцы. Отлично знали силу и мощь наших союзников – немцев. Но когда в сорок пятом пришли русские войска, то в нашем национальном сознании все перевернулось и сломалось. Вы были из другого, незнакомого доселе мира. Вы были катком против беззащитного мотылька! Мы ощущали себя младенцами, пытающимися остановить грозных великанов. Мы не успели опомниться, как нашу армию раздавили. Раздавили и расплющили, даже не заметив».

– Да, в сорок пятом боевой опыт, слаженность действий и уровень материально-технического оснащения Советской армии были на высоте. Тогда с нами даже «пиндосы» боялись связываться, – не без гордости в глазах кивнул Женька.

– Опыт, слаженность и техника – большое дело, – согласился Грид. – Но имелся еще и русский дух, помноженный на отвагу и смелость. Так что нет, Женя, на свете крепче воинов, чем русские. Пожалуй, где-то рядышком могут встать только немцы. И все. Ни «пиндосы» с британцами, ни арабы, ни турки с горцами. Все, на что способны эти вояки, – короткие операции после массированных авиационных налетов, вылазки и партизанщина. А воевать по-крупному под силу лишь двум нациям на земле. Так, чтобы зарубиться насмерть, без боеприпасов, врукопашную с саперными лопатками, с лишениями, болезнями и голодом против превосходящего в разы противника... Японцы в сорок пятом прочувствовали это на собственной шкуре.

– Убедил, – вздохнул Евгений.

Старший лейтенант Суров прошел иной путь, совсем не похожий на военную карьеру Андреева.

Он тоже родился и долгое время жил в большом областном городе. Также неплохо учился в специализированном лицее, но спорту уделял куда больше внимания, чем школьной программе. С третьего по выпускной класс он перепробовал множество видов спорта: плавание, прыжки в воду, троеборье, бокс... Но по-настоящему его затянула стрельба. В тире и на стенде он пострелял из разного спортивного оружия: из винтовки, пистолета, ружья. В конце концов, остановился на винтовке, так как с ней получалось показывать наилучшие результаты.

К семнадцати годам Женька Суров имел несколько выигранных кубков и коллекцию медалей, а потому без проблем поступил в педагогический институт на факультет физического воспитания. Хотя, как он сам признавался, тяги к «вышке» не имел. Предложили – подал документы и был зачислен практически без экзаменов. Номинально являясь студентом, продолжал ездить по соревнованиям и выигрывать первые места.

К двадцати двум вдруг с ужасом осознал, что после государственных экзаменов придется идти в такой же вуз или в школу преподавателем физической культуры. А такой карьеры он совершенно не хотел. Поэтому, когда с ним встретился серьезный дядька в штатском и предложил послужить Родине в специальной засекреченной структуре, согласился, не раздумывая. И даже с радостью.

Так и попал в группу Андреева. Первые полгода был простым стажером – привыкал к дисциплине, постигал армейские азы, переучивался на другой вид оружия. Потом его аттестовали и присвоили звание лейтенанта. Службой и выполняемой работой он был доволен. Год назад получил очередное звание.

Характер у Женьки был не сахарный, но и не зловредный. Рука твердая, язычок – острый.

Проживал он в однокомнатной квартире на юго-западе Москвы. Жениться не собирался, но с девушками в свободное от службы время общаться любил. Был не дурак выпить и похулиганить, однако норму соблюдал и к старту очередной операции всегда выглядел свежим огурцом с бабушкиной грядки.

Ночь – самое благоприятное время для работы снайпера. С современными прибрлудами и снаряжением темнота перестает быть препятствием и становится надежным союзником.

«Пятьдесят первый» ночной прицел – отличная штукавина, с помощью которой невидимый противник предстает во всей красе. Целься, куда угодно, и стреляй, когда хочешь.

Последняя операция с участием группы капитана Андреева проходила с месяц назад. Тогда спецназ ФСБ брал охраняемый бандитский схрон. Работать довелось в рабочем поселке, находящемся недалеко от Сергиева Посада. И тоже в темное время суток.

Ночь для работы снайпера совсем не похожа на обычную. Она поделена на часы, минуты, секунды, мгновения. Глаз нестерпимо режет от ночного прицела, но прерывать наблюдение нельзя – вдруг пропустишь самое важное. А самым важным является выстрел вражеского снайпера.

На позициях у промзоны было решено работать по вспышке, и поэтому все трое ждали выстрела. Суров и Грид осматривали местность с помощью прицелов, Андреев пользовался специальным электронно-оптическим прибором, сектор обзора которого был гораздо шире, а картинка – яснее и четче. Парни из спецназа осторожно просачивались сквозь прорехи старого забора и пробирались к полуразрушенным цехам, где, по донесению агентуры, находился схрон.

А группа из трех снайперов напряженно выжидала. Тяжело это, когда твои знакомые ребята служат живой приманкой. Тяжело...

Первая фаза операции по захвату схрона началась еще днем. Небольшой заброшенный заводик по производству сварных металлоконструкций оцепили и вдруг заметили, как наружу вылетает, пытаясь прорвать оцепление, внедорожник.

Пытались остановить по-хорошему. Где там! Изрешетили по самое не хочу. Затем выслали вперед четыре группы для проверки территории. Тогда-то и прогремели первые выстрелы снайпера.

В общем, бандитский стрелок успел изрядно нагадить нашему спецназу: одного убил, двоих тяжело ранил, остальных прижал к земле и заставил отступить. Потому руководство и вызвало группу Андреева, а вторую фазу штурма перенесла на темное время суток.

Павел лежал на крыше трансформаторной будки и всматривался в каждое окно, в каждую щель на стенах кирпичного корпуса. Его ребята «ползали» прицелами по тем же стенам и готовы были открыть огонь по засвету – по вспышке выстрела. Эта задачка не из легких, но, если повезет, то лучше не придумаешь.

Основная задача Павла – попытаться заметить «движуху» чуть раньше стрельбы и дать наводку Евгению и Валерию. Те на своих позициях, и для связи с ними под рукой лежит радиостанция «Арбалет».

Бандитский снайпер все-таки выстрелил – вспышка на мгновение озарила черневший проем окна на втором этаже бывшего заводоуправления.

– Третье окно слева! – схватив радиостанцию, выкрикнул капитан.

Парни дело знали. Вместо ответа прозвучали два выстрела, практически слившиеся в один. Расстояние было небольшим – метров двести. После выстрелов они тут же сменили позиции – бандитский снайпер мог работать не один, – пользуясь моментом, рванули к корпусам и через несколько секунд ворвались в заводоуправление.

Вскоре по радио прозвучал доклад:

– Внутри чисто. Снайпер ликвидирован.

В итоге заводик зачистили, схрон нашли.

Как позже выяснили, на втором этаже заводоуправления находился опытный снайпер-одиночка. В ту ночь спецназовцам крупно повезло, что их прикрывала группа Андреева. Такие одиночки всегда очень опасны. Это профессионалы, виртуозно владеющие любым стрелковым оружием. Все свои действия они прорабатывают заранее и до мелочей. Для ведения огня подбирают две основные и не менее двух запасных позиций. К выбору позиций подходят скрупулезно: чердаки, крыши промышленных зданий, верхние этажи строящихся жилых домов. На подготовленных позициях заранее оборудуют тайники с оружием, боеприпасами, оптикой. В общем, хлопот доставляют немало, и ликвидировать их по всем канонам должны такие же профессионалы.

Ближе к Подольску шоссе стало свободным.

– Успеваем? – спросил водитель, заметив, как Павел посмотрел на часы.

– Если твой тарантас не сломается, то приедем вовремя.

– Не сломается – неделю назад получил его после техобслуживания, – улыбнулся прапорщик. И уточнил: – А в Климовске куда?

– Сразу после Подольска свернешь с трассы вправо, на улицу Индустриальную. По ней доедем до центральной площади Климовска и повернем направо. Ну, а там рукой подать...

– Сегодня опять с бандой воевать будете?

– Нет, сегодня работа попроще. Три выходца из Средней Азии ворвались под вечер в торгово-развлекательный центр и взяли в заложники двух молоденьких девчонок.

– И чего хотят?

– Денег. И машину с полным баком бензина.

– Вот дураки, – качнул головой Семен. – Ведь все равно далеко не уедут.

– Они же этого не знают.

– И чего эти абреки сюда едут? Ладно те, кто реально ищет работу, а эти-то зачем?! Шкодничали бы в своей Азии!..

– Не знаю, – нехотя откликнулся капитан. – Не нам решать, кому сюда ехать, а кому сидеть дома.

– Ну, а вас зачем дернули? Неужто спецназ с ними не справился бы?

– Эти, как ты их назвал, «абреки» далеко не дураки. К тому же все трое вооружены, поэтому и дернули...

За Подольском водитель сбросил скорость. Увидев нужный указатель, свернул вправо.
– Вот и Климовск, – прочитал он надпись на синем щите.

Впереди показалась площадь с памятником Ленину и помпезным трехэтажным зданием в стиле пятидесятых.

Машина снова повернула вправо и вскоре остановилась неподалеку от Г-образного здания современного торгово-развлекательного центра с подсвеченным фасадом из синего стекла. С северной стороны перед зданием раскинулась большая стоянка для гостевых машин. Чуть дальше поблескивала водная гладь неширокого водоема – то ли речки, то ли озерца. С юга ТРЦ «подпирали» многочисленные жилые дома.

– Вон наши, – кивнул Семен на группу людей у стоявших чуть поодаль автомобилей.

– Вижу, – открыв дверцу, спрыгнул на асфальт Павел.

Женька с Валеркой уснули на полпути к Подольску и теперь не спешили покидать уютный теплый салон.

– Подъем, парни! – поторопил капитан. – Забирайте из багажника шмотки и готовьтесь к работе.

– А ты куда, Паша? – первым отогнал сонливость прапорщик Грид.

– К начальству...

Многие десятилетия подразделения снайперов использовались только в боевых действиях. И только в последние двадцать лет во всем мире стремительно развивается еще одно направление снайпинга – полицейское. Или антитеррористическое.

Задачи снайперов из подобных подразделений здорово отличались от задач их армейских коллег. Общими, пожалуй, можно было назвать только высокоточное оружие и некоторые элементы снаряжения. А далее шли одни различия.

Армейские снайперы чаще вели огонь на дистанции от трехсот метров и выше. Снайперы антитеррористических подразделений, как правило, работают с меньших дистанций.

Снайпер вооруженных сил не станет долго засиживаться на одном месте, после одного-двух выстрелов обязательно сменит позицию. У полицейского снайпера такой возможности нет.

«Армейцу» бывает достаточно поразить противника в корпус, для того чтобы тот был выведен из боя. А вот стрелкам из антитеррористических подразделений для мгновенной нейтрализации преступников чаще всего приходится выцеливать голову.

Для выполнения боевой задачи армейский снайпер порой вынужден преодолевать десятки километров, в том числе и по тылам противника. А его коллега из полицейского подразделения в девяти из десяти случаев работает в городских условиях и под «присмотром» товарищей из спецслужб, отвечающих за его безопасность.

Наконец последним из значимых отличий являлось то, что в боевых действиях промах по солдату противника не воспринимался фатальной катастрофой. Да, плохо. Да, лучше было бы попасть. Но есть и другие цели. Или несколько секунд на то, чтобы исправить ошибку и уложить того, которому повезло. А вот если доведется промазать стрелку из антитеррористической группы, то почти неизбежно пострадает невинный человек.

Капитан Андреев не имел отношения к полиции. Он и его коллеги по группе являлись сотрудниками Управления спецмероприятий Министерства обороны Российской Федерации. По сути, они были теми же армейцами, но работающими бок о бок со спецназом. Чаще со спецназом ФСБ, иногда с армейским, еще реже – с ребятами из ГРУ.

– Прибыли? – пожал капитану руку давний знакомый – полковник ФСБ Копылов.

– Так точно. В полном составе.

– К работе готовы?

– Как всегда.

– Стало быть, диспозиция такова...

Включив фонарь, полковник подвел Андреева к капоту машины, на котором был прижат несколькими мобильными телефонами развернутый план ТРЦ. Один из этажей пестрел стрелками и кружками.

– Три бандита засели на втором этаже. Вот здесь, – ткнул он пальцем в один из нарисованных закутков поэтажной схемы.

– Косметика «Ив Роше», – прочитал Павел.

– Да, что-то в этом роде. Наши парни заблокировали все лестницы и эскалаторы. На этаже по обе стороны от магазинчика заняли позиции две штурмовые группы по восемь человек. Третья группа в готовности на крыше центра, ну и последняя – самая многочисленная – на первом этаже и снаружи у входа.

– С нашими понятно, а где находятся бандиты?

– Один держит под прицелом вход в магазин, второй – наружные окна, третий охраняет связанных девчонок – сотрудниц этого магазинчика.

– Где этот третий?

– Точно выяснить пока не удалось – где-то в глубине магазинчика.

– Чем они вооружены?

– У одного – обрез двуствольного охотничьего ружья, у второго – укороченный «калашников», у третьего – пистолет.

– Окна магазинчика выходят на площадь или на озерцо?

– На площадь, – обернулся Копылов к ТРЦ и показал на темневшую прореху на втором этаже. Потом уточнил: – А за зданием центра не озерцо, а река Петрица.

– Понятно, – кивнул капитан. – А свет в магазинчике почему не горит? Наши вырубали или азиаты догадались?

– Наши.

– Это немного упрощает задачу. – Почесав затылок, Павел осмотрелся по сторонам.

– По-моему, самая подходящая для вас позиция – на крыше ближайшей многоэтажки, – показал на жилой дом полковник.

Андреев прошелся по стоянке, оценивая препятствия в виде столбов, углы, секторы... Через пару минут вернулся и уверенно выдал, указывая на помпезное здание сталинской эпохи:

– Нас больше устроит позиция на крыше этого «музея древности». Дистанция увеличится, зато окна «Ив Роше» будут как на ладони.

– Как знаешь, – согласно кивнул Копылов. – Кстати, это не музей, а Дворец культуры машиностроительного завода. Ну, забирайте из машины свои вещички – сейчас распорядюсь, чтобы вас проводили на чердак...

Глава третья

Сирия. Одна из северных провинций, селение Фадзин Наше время

Газал приказал начать атаку в тот момент, когда последняя из трех групп солдат сирийской армии в полном составе оказалась на площади. И сам, высунувшись над забором, послал длинную очередь по противнику. Нырнув обратно за укрытие, сменил магазин и, переместившись на пару метров влево, стал вести огонь короткими очередями...

После первых же выстрелов бойцы сирийского разведывательного взвода рассыпались по площади и прилегающим к ней домишкам. С десятков человек остались лежать в пыли – кто-то был убит, кто-то ранен. Уцелевшие искали укрытия, пытались определить позиции противника и отвечали огнем.

Как и предсказывал Ахмад Хамани, главным союзником отряда Газала стала внезапность. В первую минуту боя разведчики потеряли более трети взвода, и силы противоборствующих сторон сравнялись.

Ну, а дальше случился типичный позиционный бой. Полгода провоевав в северном пригороде Дамаска, Давуд Газал со своими людьми весьма поднаторели в таких стычках. Разведчики из армии Асада привыкли воевать в горах или на пустынных просторах, оттого и несли потерю за потерей.

Спустя пять или шесть минут Газал был вынужден схватить рацию и напомнить младшим командирам:

– «Джан», «Зар», «Исхак», Кабр», не валите всех подряд! Нам необходимо взять живьем командира и, желательно, нескольких сержантов! Как поняли?..

Джанах Канур, Иса Малак и Заир Нахди откликнулись сразу, подтвердив полученную информацию. А Кабира Рамина пришлось вызывать трижды – в пылу боя он не слышал сигналов радиостанции.

Позиции младшими командирами были выбраны грамотно. Атакуя разведчиков с четырех сторон, воины Газала имели заметное преимущество.

Через четверть часа интенсивность стрельбы со стороны подразделения сирийской армии уменьшилась, а горстка выживших сосредоточилась на одном участке. Воспользовавшись этим, Давуд Газал послал шестерых человек в обход позиции разведчиков. Следовало выяснить, сколько их осталось, и, по возможности, напасть с тыла. Повел шестерку бойцов опытный Джанах Канур...

Лейтенанта оглушил взрыв ручной гранаты, но отлетев на два метра, он устоял на ногах. Шок длился не дольше секунды, после чего Сайнак осознал, что нужно срочно искать укрытие.

– Все за стены дома! – крикнул он подчиненным. И тут же почувствовал удар в левое плечо – пуля прошла навывлет, немного задев кость и разорвав мышцу. Упав, Сайнак зажал левой ладонью рану и крикнул еще раз: – Всем оттянуться к южной стороне площади! Занять круговую оборону у ближайшего дома!..

Впрочем, его парни без команд понимали, что взвод угодил в засаду. И теперь для того, чтобы выжить, нужно быстро соображать, резво двигаться и точно стрелять.

По вышедшим на площадь солдатам велся огонь с трех или четырех позиций, находившихся в разных местах. Попав под перекрестный огонь, взвод понес потери – человек семь погибли сразу, примерно столько же было ранено.

Зато остальные молниеносно откатились за ближайшее строение на южной стороне площади, рассредоточились по соседним участкам и начали отвечать прицельным огнем по противнику.

Спустя пару минут нервной и беспорядочной пальбы стала вырисовываться диспозиция.

По взводу велся прицельный интенсивный огонь с четырех точек.

Самой ближайшей позицией невидимого врага был дом, метров на двадцать левее мечети. Огонь велся из-за приземистого забора, за которым виднелся сломанный сарай.

Второй точкой, где закрепился противник, являлся участок севернее центральной площади, на полсотни метров заглубленный в прилегающий квартал.

Третьей – довольно большой дом на противоположной от мечети стороне площади, фасад которого украшала вывеска магазина. Между магазином и жилым домом зияла пятиметровая прореха, заполненная густыми плодовыми деревьями. Оттуда и стреляли.

Наконец четвертая точка – едва ли не единственное двухэтажное добротное здание. На этой позиции был задействован и участок, и крыша дома, и вспомогательные постройки.

Корректируя действия подчиненных, командир взвода собрал всех на одном участке у невысокого дома и распределил отделения по периметру. После этого, несмотря на первые потери, бой выровнялся.

Минут через десять к командиру подобрался заместитель – Юнис Такаль.

– Ты ранен? – спросил он, кивнув на окровавленный рукав куртки.

– Да, зацепило. Где связист?

– Не видел. Найти?

– Найди – он нужен мне срочно.

Заместитель метнулся к краю дома.

– Баха! – окликнул он рядового, занявшего позицию у забора.

– Да, Юнис!

– Командира ранило. Перевяжи... – И кинув тому бинтовой пакет, Такаль отправился на поиски связиста...

– «Джан», почему молчишь? Ответь мне, «Джан»! – в третий раз запрашивал Канура Газал.

Шестерка воинов, возглавляемая Джанахом Кануром, ушла в сторону позиции сирийских разведчиков пятнадцать минут назад. Стрельба к этому времени стихла. Лишь изредка с обеих сторон раздавались одиночные выстрелы.

– «Джан», разорви тебя шакалы!! – выругался в эфир полевой командир. – Ответь, или я сочту, что тебе перерезали глотку!

– «Саран», я – «Джан», – наконец откликнулся младший командир.

– Куда ты пропал?! Что там у тебя?

– Мы обошли этих сволочей с тыла! Трех уничтожили. Их осталось не больше десятка!

– Командир жив?

– Кажется, да.

– Я сейчас организую атаку, и мы отвлечем их. А ты попробуй со своими людьми захватить командира и пару сержантов.

– Понял тебя, «Саран»...

– «Зар», «Исах», «Кабр»! – позвал Газал.

Те откликнулись.

– Ровно через минуту поднимайте людей в атаку. От разведывательного взвода осталось десять человек.

– «Саран», разреши сначала дать залп из гранатометов?

– Разрешаю...

Убрав рацию в нагрудный карман, Давуд проверил автомат и приготовился к атаке.

По истечении минуты грохнули выстрелы гранатометов, низкий каменный забор, обнесенный вокруг участка по южную сторону площади, потонул в дыму. К нему с четырех сторон

устремилась воины. Стреляя на ходу, они быстро сближались с позицией разведчиков. В это время со стороны соседнего участка в сторону обороняющихся полетели две ручные гранаты...

Два взрыва поставили точку в неравном противостоянии.

Группа Джанаха Канура ворвалась на позицию подразделения регулярной сирийской армии. Послышались несколько одиночных выстрелов и предсмертные стоны раненых.

На этом ожесточенный бой закончился.

Пока рядовой по имени Баха перевязывал лейтенанту простреленное плечо, сержант Такаль разыскал связиста – Акиля Башара. Тот моментально сообразил, для чего понадобился командир, и, подхватив рацию, кинулся к нему.

– Отсюда сможешь связаться со штабом батальона? – спросил лейтенант.

– Попробую. Лишь бы антенну не перебили... – Включив станцию, он сделал несколько запросов, но ответа не последовало.

Сайнак кивнул в сторону дома:

– Обойди его с обратной стороны и попытайся влезть на плоскую крышу.

– Попробую.

– Если получится наладить связь, передай майору Бадару, что в Фадзине нас ждала засада. Пусть пришлет помощь. И скажи: долго мы не продержимся.

– Понял, командир.

– Будь осторожен – крыша со средней дистанции простреливается...

Связист исчез. Над крышей одноэтажного дома вскоре появилась гибкая лучевая антенна.

Тем временем интенсивность боя нарастала.

Отвечая прицельным огнем, разведчики умудрились перетащить за забор раненых товарищей. И все же потери были впечатляющими: на площади осталось лежать не менее десятка убитых бойцов. Еще несколько бойцов погибли и получили ранения в процессе позиционного боя.

Лейтенант периодически появлялся над забором, давал короткую очередь и снова прятался. Переместившись на несколько метров в сторону, находил прореху в неровной каменной кладке и снова выглядывал. Мгновенно выбирая цель, посылал в нее несколько пуль или же кидал ручную гранату...

Силы взвода таяли. Противник, не жалея боеприпасов, обстреливал небольшой участок у мечети с разных сторон, низкий заборчик почти не спасал от жужжащих пуль.

Командир второго отделения сержант Амин Матри погиб на глазах лейтенанта. В забор ударил гранатометный заряд, и его тело отбросило на несколько метров.

Рядовой Газван Бахри умер, даже не вскрикнув, – пуля снайперской винтовки пробила его голову.

В страшных муках от двух полученных ранений в живот умер командир третьего отделения сержант Бурхан Касар.

Рядовой Дари Кобани скончался от потери крови. В паре метров от него грохнул взрыв, и несколько осколков впились в тело. Кровь остановить товарищи так и не смогли...

Рядовой Имад Надих сам подорвал себя гранатой, когда бой закончился, а на участке возле мечети появились боевики из банды.

Рядовой Вамид Аймер кричал и хрипел, разбрасывая врагов ударами приклада. Его ожесточенное сопротивление остановили два выстрела зашедших с тыла бандитов.

Последнее, что успел услышать лейтенант Сайнак до того, как сознание отлетело, – слова связиста, шептавшего над самым ухом:

– Фарид, я успел передать! Слышишь меня? Я передал в штаб батальона о засаде, Фарид!..

Глава четвертая

Российская Федерация, Климовск Несколько дней назад

По просьбе Копылова какой-то шустрый мужичок преклонных лет проводил группу Андреева внутрь Дворца культуры. Неся зачехленное оружие и сумки, снайперы поднялись по парадной лестнице на третий этаж, прошли длинным коридором в неприметный тупичок и оказались у вертикальной металлической лесенки, ведущей на чердак.

– Я – помощник директора клуба, – пояснял тонким дребезжащим голосом мужичок. – По-старому, это означает «завхоз». Сейчас здесь все запущено, а раньше жизнь кипела каждый вечер...

Он первым забрался наверх, за ним последовали Андреев, Суров и Грид.

Щелкнул выключатель, под крышей лениво зажглись несколько желтоватых ламп.

Чего только на этом творческом чердаке не было! И старая мебель, и декорации для спектаклей, и афиши, и кумачовые транспаранты, когда-то использовавшиеся в обязательных праздничных демонстрациях. Плюс большие люки и какие-то сценические механизмы в виде электрических лебедек, закрепленных на силовых балках. А в дальнем углу даже пылился огромный черный рояль.

– А его-то вы как сюда затащили? – не сдержал любопытства Женька.

– Так специальный кран над сценой имеется, – пояснил провожатый. – Им и подняли.

– Папаша, сколько выходов на крышу? – спросил капитан.

– Один. Вон короткая лесенка, и дверца сверху.

– Значит, выход как раз на сторону торгово-развлекательного центра?

– Да, аккурат на него. Сейчас открою...

Мужичок направился к лестнице, но Андреев остановил его:

– Он заперт на замок?

– Нет.

– Тогда спасибо – дальше мы сами. И у меня к вам две просьбы.

– Слушаю.

– Во-первых, прежде чем мы откроем дверцу на крышу, вы должны выключить на чердаке свет.

– Само собой, сейчас сделаю.

– А во-вторых, когда спуститесь с чердака, то позаботьтесь, чтобы сюда никто не сунулся.

– Понял. И это обеспечим, – кивнул мужичок и засеменил к открытому люку.

Снайперы подошли к лесенке и дождались, пока в пыльном пространстве чердака потухнут желтые лампы. Затем капитан включил небольшой фонарь, молча передал его прапорщику и взобрался по короткой лесенке к дверце. Приоткрыв ее, осторожно выглянул наружу.

Свет от окон, рекламы и уличных фонарей на крышу не проникал, и это уже было большим плюсом. Сияющий ТРЦ был словно на картинке.

Андреев на глаз оценил дистанцию и удовлетворенно прошептал:

– Сто метров. Ровно сто метров.

Он полностью распахнул дверцу, принял у товарищей оружие, сумки и, наконец, выбрался на крышу. Следом за ним покинули душный чердак и коллеги.

– Неплохой видок, – оценил Женька.

– Неплохой, – согласился Валерий. И добавил: – Вот только укрытия нет. Голые листы металла, и все.

– Не понадобится нам укрытие, – осматривая место предстоящей работы, заметил Павел. – Тут дел-то – на три выстрела...

Все три снайпера расположились на краю крыши, на расстоянии четырех-пяти метров друг от друга. Таким образом, крайние стрелки могли «заглядывать» в самые дальние закоулки магазинчика косметики от «Ив Роше».

Предстоящая работа была настолько простой, что здесь не требовалось оборудовать позиции, выбирать запасные места и продумывать пути скрытного отхода. Тем не менее, каждый снайпер произвел привычные действия: проверил свою винтовку, пристегнул снаряженный магазин, отрегулировал ночной прицел. Затем Андреев внимательно осмотрел сквозь оптику прицела фасад торгового центра, нашел окна нужного отдела и даже разглядел фигуры двух бандитов.

Лишь после этого он связался по рации с Копыловым.

– «Первый», это «Юнкер». Как меня слышите?

– Нормально слышу. Обустроились?

– Так точно. К работе готовы.

– Хорошо, «Юнкер», – ответил полковник. – Пока идут переговоры – пытаемся убедить этих ублюдков отпустить заложников и сдаться. Вы моих переговорщиков видите?

– Нет. Где они находятся?

– В широком общем коридоре – недалеко от входа в магазинчик.

– Нет. Отсюда неплохо просматриваются внутренности магазина и вход. А общий коридор – лишь частично.

– Ладно. Пока ждите.

– Понял, ждем, – подтвердил капитан и отключился.

– ...Нет, мы динамитные шашки в речку не кидали. У нас в городе ни динамита, ни речки, – не отрываясь от окуляра ночного прицела, отвечал на какой-то вопрос друга Евгений. – Мы по молодости «пугачами» развлекались. Помнишь такую фигню?

– Нет, – нехотя подал голос Грид. – Я и не знаю, что это такое. У нас не было на эту тему «холивара». Мы ж по старинке общались – без Интернетов и прочих смартфонов. Мы все свободное время на реке проводили. Там тебе и рыбалка, и динамит – правда, под присмотром взрослых мужиков, – и костры, и купание, и прочие развлечения.

– Э-э, темнота! «Пугач», – это такая умная конструкция из двух болтов и гайки посередине. Между болтами насыпаешь мелко напильный магний...

– Магний! – недовольно перебил Валера. – И где его было взять-то?! Особливо в наших краях!

– Находили. Неподалеку от нашего района, на окраине города был заброшенный аэродром бывшего ДОСААФ, там стояли остовы вертолетов и маленьких спортивных самолетов. Гоняли туда с пацанами и напильниками снимали стружку с колесных дисков. Потом смешивали со спичечной серой.

– Ну и?..

– Что, «ну и»? Помещаешь эту смесь в гайке между болтов, затягиваешь до предела, подкидываешь как можно выше, смываешься подальше и ждешь, когда эта адская машинка прилетит обратно и хорошенько ударится об асфальт.

– Неужели эта фигня взрывалась?

– Еще как! От компрессии происходило воспламенение серы, и мгновенно – химическая реакция. Такой, я тебе доложу, получался знатный «бабах»! Уши закладывало, а один из болтов улетал в космос – искать его потом было бесполезно.

– Вот придурки! – улыбнулся прапорщик. – Мы таких приколов и не знали.

– Немудрено, – продолжал Женька. – Ты же в деревне рос.

– Какая разница, кто и где рос?

– Э, не скажи... Меня однажды к бабке и деду в деревню сослали на все лето, так ребята деревенские тоже о таких фокусах не слышали. Я им рассказываю – они не верят! Ну, я стырил у деда в сарае пару болтов, вместо магния сыпанул селитру – благо в колхозе ее сколько угодно. Вокруг собралась целая толпа пацанов, все ждут моих испытаний, как будто я на орбиту собрался. Размахиваюсь, кидаю, что было сил, вверх...

– Ну, – нетерпеливо потребовал продолжения Грид.

– А ничего не вышло.

– Почему?

– Вернулся мой «пугач» из стратосферы и просто тюкнулся о мягкую землю. Как куль с дерьмом – асфальта ведь в деревне не было. Местные парни в недоумении. Говорят: разводишь ты нас, и вообще мы тебя сейчас за вранье накажем...

Обстановка в ТРЦ не менялась: две мужские фигуры изредка перемещались вдоль дальних стен, третий террорист, охранявший заложниц, не появлялся. Команды от полковника Копылова на открытие огня пока не поступало. Андреев лежал на крыше на левой позиции, Валерка Грид – на правой, Женька Суров находился посередине, и, несмотря на то что повествовал о своем веселом детстве вполголоса, капитан слышал каждое слово.

«Пусть почешет языком, – удерживал Павел перекрестье на одной из фигур. – Все равно до команды полковника заняться нечем...»

– ...С асфальтом в той деревне был серьезный напряг, – продолжал старлей. – Рядом проходила асфальтированная трасса с бойким движением, а в самом селе – только грязные дороги да пыльные тропинки. Ну, не пойдешь же взрывать хреновину на федеральную трассу! Зато в селе имелись бетонные столбы с электрическими проводами. Ладно, думаю, сейчас я вам покажу! В общем, подхожу к ближайшему столбу (толпа зевает, естественно, не отстают), размахиваюсь по-молодецки и со всей дури запускаю адскую хреновину в бетонное основание.

– Бабахнуло? – поинтересовался Грид.

– Не то слово. Лупануло так, что столб едва не треснул. Но главным приколом стало другое.

– Что?

– Я-то к тому возрасту был опытным взрывником-пиротехником и своевременно пригнулся, закрыв голову руками. А деревенские недотепы так и стояли, раскрыв рты. В результате отлетевшим после взрыва болтом одному чуть ухо не оторвало.

Поняв, что это финальный мазок рассказа, прапорщик снова укоризненно покачал головой:

– Удивляюсь, как ты с такими наклонностями злодея-террориста дожил до своих двадцати пяти.

– А чего мне будет? Я ж не один такой.

– Нет, у нас как-то все попроще было. Мое детство пришлось на то время, когда Советский Союз еще здравствовал, несмотря на перестройку. А вкусное сливочное мороженое в шоколадной глазури стоило всего двадцать две копейки. Хорошо было. А потом – с приходом свободы и демократии – захлестнула бедность. Помню, в соседнем доме проживала мать-одиночка, так в ее хате была вопиющая нищета. Большая семья кое-как держалась за счет огорода. Тогда люди делились на две категории: одна пахла дорогой натуральной кожей и парфюмом, а другая – безнадегой и голодом. Так вот старший сынок этой мамы как-то взломал магазин на железнодорожной станции. Из района нагрянули менты и, когда вошли в дом забирать его, обалдели.

– Почему?

– А там – шаром покати. Такое впечатление, что к ним в хату даже тараканы боялись заходить, чтоб их не сожрали. Да, по факту человек совершил преступление – ограбил магазин.

Но, по сути, этот бедолага просто боролся за свою жизнь. Крал продукты, чтоб не сдохнуть, потому что работы в радиусе ста километров просто не было...

Валера Грид был серьезным и обстоятельным человеком. Родился и вырос в глухой деревне, которая после «расцвета» демократии начала стремительно превращаться в кладбище. В нашей стране много таких деревень, где можно оглохнуть от тишины и сойти с ума от одиночества. Где абсолютно ничего не происходит, и все поголовно пьют, чтобы хоть что-то происходило.

Его родители не так давно умерли, с интервалом в один год, родни почти не осталось. В умирающую деревню он ездить перестал, так как по опустевшим улицам, подобно зомби, бродили только редкие алкаши да выжившие из ума старухи.

Окончив техникум, он так и остался в городе. До армии оставался почти год, поэтому Валера спокойно подыскал работу – вначале по специальности, позже пересел за баранку бетономешалки. Там и платили больше, и график был удобнее.

Обязанности он выполнял справно: не отлынивал, не опаздывал, с начальством не конфликтовал. Но в какой-то момент, по невыясненным причинам, зарплату ему стали задерживать. От слова «регулярно». Сначала на две недели, потом на месяц, следом на два...

Грид молча пожимал плечами – дескать, с кем не бывает? Времена в стране тяжелые, чай, не умом живем, а нефтяной скважиной... И продолжал трудиться. Через некоторое время задержки зарплаты стали нормой, и дошло до того, что денег Валера не видел почти полгода.

Директор компании заверял и божился: «Потерпи – заплатим! Ты самый ценный работник, и мы без тебя – никуда...» При этом парень работал, как и раньше, заказов было невпроворот.

Внезапно Грид прозрел: его просто разводят, как глупого и безобидного лоха. И тогда он решил отомстить. В очередной выезд закачал в бочку двенадцать кубов качественного бетона и якобы поехал к заказчику. Но до него он не доехал, а тупо начал колесить по центру города и по объездной дороге, где через каждые пять-шесть километров над проезжей частью висели камеры. Не создавая аварийных ситуаций, он старательно нарушал правила дорожного движения. Ездил по выделенным полосам общественного транспорта, поворачивал под знаки, запрещающие проезд грузового транспорта, превышал скорость... Прокатавшись таким образом целый день, Валера припарковал свою бетономешалку под знаком «Остановка запрещена», собрал вещички, отключил сотовый телефон и был таков.

Авторитет молодого Грида был настолько высок, что в первый день директор даже не хватился пропавшего грузовика. Мало ли чего случается на дороге с техникой и людьми? Может, сломался, может, решил подзаработать...

На второй день до него дошло: произошло что-то из ряда вон. Грузовика нет, телефон не отвечает.

В конце рабочего дня машину с помощью полиции кое-как отыскали. С двенадцатью кубами застывшего бетона в бочке.

Директор матерился как последний биндюжник, но это было только начало. Венцом стал приход штрафов на общую сумму в сто пятьдесят тысяч рублей. Это был серьезный удар по финансовой составляющей нечистого на руку директора.

А Грид тем временем уже ехал к месту срочной службы. Бросив опостылевшую бетономешалку, он сразу направился в военкомат. Ведь с армии, как и с Дона, выдачи нет.

В армии ему понравилось, и отслужив срочную службу, Валера подписал контракт. Человеком он всегда был честным и старательным. На таких, как правило, пашут. Причем всегда и везде. Благодаря имевшемуся за плечами техникуму без проблем получил звание прапорщика. Женился. Получил квартиру. Родили с супругой дочку.

В общем, обжился.

* * *

Полученное Андреевым задание и впрямь не отличалось особой сложностью. И в первую очередь потому, что в роли террористов, захвативших заложников в здании ТРЦ, выступили сугубо гражданские лица. Да, возможно, с криминальным прошлым и каким-то опытом противостояния силам полиции. Но не более того. В боевой практике Павла были случаи и покруче, когда приходилось иметь дело с настоящими профессионалами. Всякое бывало в практике группы Андреева...

Обычно тактика действий снайперов в специальных операциях по освобождению заложников сводилась к нескольким простым действиям.

До начала штурма как минимум пара снайперов ведет наблюдение за действиями преступников, если идут переговоры, то, естественно, прикрывают безоружных переговорщиков, держа оппонентов в перекрестье прицела.

Если дело все же доходит до штурма, то первыми вперед идут «тяжелые» – парни в «брониках», специальных шлемах и со стальными щитами. Снайперы поддерживают их огнем и одновременно ведут наблюдение за развитием событий.

Полицейские снайперы чаще всего работают в парах, это позволяет стрелку и корректировщику время от времени меняться местами, чтобы отдохнуть.

В свое время Андреев постигал азы снайперского искусства на классических примерах, когда ценой нескольких точных выстрелов спасались десятки жизней. Одним из таких примеров стала операция по освобождению заложников в Джибути. Этот случай произошел в середине семидесятых, и тогда сомалийские террористы захватили французский школьный автобус, в котором находились три десятка детей, водитель и учитель.

К месту тут же прибыла специальная группа из национальной жандармерии под командой лейтенанта. У террористов были серьезные политические требования, касающиеся вывода французских войск из колонии Джибути. В противном случае, они грозились расстрелять всех заложников.

Две пары французских снайперов немедленно взяли на прицел автобус. Еще одна пара контролировала находившийся неподалеку сомалийский блокпост.

Прошло несколько часов переговоров и напряженного ожидания.

Наконец лейтенант убедился в том, что переговоры положительного результата не принесут, и приказал открыть огонь. И снайперы взялись за дело.

В результате четверо террористов были уничтожены в течение двух секунд. Пятый негодяй оказался вне зоны поражения и успел открыть ответный огонь, убив одного и ранив пятерых заложников. Но ему тоже не суждено было остаться в живых – он лишь отсрочил свою гибель до штурма.

Данная операция до сих пор преподносится в снайперских школах как наиболее удачная, поскольку все террористы были уничтожены, а абсолютное большинство заложников спасено.

На связь полковник Копылов вышел примерно через час.

– «Юнкер», ответь «Первому», – сказал он раздраженным голосом.

– Да, «Первый», «Юнкер» на связи.

– От переговоров никакого толку. Похоже, эти твари под наркотой и постоянно твердят одно и то же. Что там у тебя?

– А что у меня? – удивился вопросу капитан. – Мы на позиции и давно готовы к работе. Двое – как на ладони, третий тоже разок появлялся, но сейчас мы его не видим.

– Значит, так, «Юнкер», по моей команде начинаем отсчет и ровно через минуту приступаем к штурму. Ты со своими молодцами должен завалить как минимум двоих – тех, что обосновались у входа в магазин.

– Сделаем.

– Давай! А то меня уже из Москвы задержали звонками и вопросами.

– Если третий не появится – сами обезвредите? – уточнил Павел.

– Да, попробуем справиться сами. Главное – расчистите нам путь в магазин.

– Понял.

– Все, время пошло...

Отключившись, Андреев пустил на часах секундомер и предупредил коллег:

– Приготовились к работе. Огонь по моей команде...

Цели были распределены заранее. Женька взял на прицел парня, сидевшего на корточках слева от выхода в коридор, Валера нащупал перекрестьем фигуру второго, стоявшего чуть в глубине магазинчика за стеклянной витриной. Сам Павел в таких случаях оставался на подстраховке и пускал контрольную пулю в того, кто не терял способность к сопротивлению, получив первое повреждение.

Секундная стрелка медленно довершила круг.

– Начали! – скомандовал капитан.

Глава пятая

Сирия, селение Таиф Наше время

Две трети батальона майора Бадара квартировало в полуразрушенном селении Таиф. Штаб батальона, две стрелковые роты и рота обеспечения, состоящая из взвода охраны, автомобильного взвода, полевой медсанчасти и небольшого вспомогательного подразделения. Третья стрелковая рота расположилась на позиции к северу от Таифа и контролировала одну из автомобильных дорог, ведущих в Турцию. Четвертая рота, понесшая большие потери в недавних боях, находилась на переформировании. Именно та часть батальона, что располагалась в Таифе, и должна была в скором времени передислоцироваться в район Фадзина.

Два восточных квартала селения Таиф были полностью разрушены артиллерийским обстрелом. Большинство мирных жителей после этого покинули свои дома и перебрались в более спокойные места. Осталось всего несколько семей, ютившихся ближе к центру. По приказу майора Бадара личный состав батальона разместился в брошенных развалинах. Под штаб оборудовали просторный одноэтажный дом с обрушенным углом и выбитыми стеклами.

Именно в этот дом и прибежал со срочным докладом дежурный связист.

– Господин майор! – заглянул он в помещение, отгороженное от коридора пестрой занавеской.

– Чего хотел, рядовой? – оторвался тот от изучения карты.

– Только что получено сообщение от лейтенанта Фариды Сайнака.

Почувствовав неладное, комбат пристально посмотрел на связиста:

– Что случилось?

– При обследовании селения Фадзин взвод лейтенанта Сайнака нарвался на засаду. Сейчас там идет бой, и дела у наших плохи.

– Ты разговаривал с самим Сайнаком?

– Нет, с рядовым Башаром.

– Черт, – прошептал майор.

– Акиль Башар сообщил, что против взвода действует хорошо вооруженная банда численностью не менее двадцати человек. И еще он передал просьбу Сайнака о срочной помощи.

– Понятно. О потерях ничего не сказал?

– Нет.

– Свободен.

После ухода связиста майор вызвал начальника штаба и командира первой роты. Прибывшим офицерам он в двух словах изложил суть проблемы и приказал первой роте выступить на Фадзин. А уже затем попросил начальника штаба связаться с вышестоящим командованием и доложить о происшествии.

Первая рота под командованием капитана Фахана в спешном порядке погрузилась в имевшийся в распоряжении батальона автотранспорт и спустя четверть часа убыла в сторону селения Фадзин.

А в штабе началась настоящая суматоха. Один из лучших взводов батальона был отправлен накануне в разведку, о рейде знал ограниченный круг лиц, и вдруг – засада. Кто и каким образом мог слить противнику важную информацию?

Масла в огонь подлил начальник штаба. Вбежав к комбату, он выпалил:

– Я только что доложил о засаде командиру бригады. Он был очень зол и ответил, что в расположение нашего батальона вылетел заместитель начальника военной разведки полковник Хасани.

Встречать вертолет сирийской армии вышло все руководство батальона.

Винтокрылая машина подошла к селению Таиф с юго-запада. Сделав круг, пилоты выбрали площадку поровнее, зашли на нее против ветра и произвели посадку, подняв огромные клубы белесой пыли.

– Здравия желаю! – приветствовал Месед Бадар спустившегося по трапу полковника.

– Здравствуйте, – пожал тот его ладонь. – Перед отлетом мне сообщили о вашем чрезвычайном происшествии. На помощь окруженному взводу кого-нибудь послали?

– Так точно – роту капитана Фахана.

– Ясно. Я прибыл к вам по другому поводу, но сначала хочу разобраться в причинах ЧП. Майор пригласил полковника в штаб.

– Отпустите подчиненных, – сказал тот на ходу. – Мне понадобятся только вы, майор, и начальник штаба батальона...

Уединившись в так называемом кабинете, три офицера сели вокруг «стола» – стопки деревянных ящиков из-под патронов для крупнокалиберного пулемета. На верхнем ящике пестрела разложенная карта района с обозначением мест дислокации противника.

– Что думаете по поводу засады? – закурил полковник.

Майор с начальником штаба переглянулись.

– Случайность встречи полностью не исключаю, – вздохнул Бадар. И добавил: – Но больше склоняюсь к тому, что кто-то передал информацию о выходе взвода в разведывательный рейд.

– Согласен, – кивнул начальник штаба.

– Давайте сразу отбросим вариант со всякого рода случайностями, – решительно произнес полковник. – Мне доводилось бывать в таких ситуациях, и каждый раз в провалах был замешан кто-то из своих...

Заместитель начальника военной разведки сирийской правительственной армии полковник Хасани имел за плечами огромный боевой опыт. Его знали во всех частях и соединениях армии, уважали за ум, решительность и бескомпромиссность.

– Кто разрабатывал маршрут рейда? – спросил он.

– Мы с начальником штаба, – ответил комбат.

– Ну, в вас-то у меня сомнений нет – не первый год знаем друг друга. А кто был ознакомлен с целью рейда и маршрутом до выхода взвода?

– Только три человека.

– Вы двое – это понятно, – сразу насторожился полковник. – А кто третий?

– Заместитель начальника штаба лейтенант Тубур. Именно ему было поручено подготовить карту для лейтенанта Сайнака.

– Тубур? Не слышал о таком. Ну-ка, расскажите о нем в двух словах.

Командир батальона выдал короткую характеристику на подчиненного: возраст, послужной список, награды, черты характера. Впрочем, довольно быстро главе армейской разведки стало ясно, что командование батальона знает об Акуре Тубуре не много. Ничего удивительного в этом не было – тот появился в батальоне относительно недавно, в боях себя проявить не успел. Но и в трусости замечен не был.

– В целом мы знаем его недостаточно хорошо, – резюмировал Бадар. – Трех месяцев не прошло, как его перевели к нам из другой бригады.

– А где он сейчас?

– По вашему приказу я отпустил офицеров. Должно быть, в своем доме. Могу вызвать.

– Не нужно. Лучше проведем его сами, – поднялся Хасани.

– Нет, Зайна, на этот раз в долг не получится. Надо заплатить.

– Почему не получится? – плаксиво тянула та, плохо проговаривая согласные звуки. – Денег совсем нет – чем платить? Как появятся – сразу отдам...

Зайна обладала необычайной красотой: милое светлое личико, тонкие брови, большие миндалевидные глаза под бархатными ресницами, пухлые щеки с детскими ямочками, длинные смольные волосы. Погибшие родители были курдами, но она с рождения жила в центральной Сирии и хорошо знала арабский язык. Да вот беда – когда волновалась, всегда переходила на смесь арабского с курдским. Хитрющей была девицей, – так убедительно прикидывалась нищей сироткой, так чесала на своем непонятном языке, что любой пожалел бы.

Любой, только не Акур. Ее дом стоял рядом с домом Акура Тубура – сторона к стороне, и знал он ее как облупленную.

– Ты, Зайна, на жалость не дави, – посмеиваясь, не сдавался Тубур. – Я не министр социального обеспечения. Со слезами о бедности – к министру в Дамаск. А мне за ту еду, что привожу тебе раз в неделю, нужно платить...

В тот год ей исполнилось двадцать. Она была небольшого росточка, но с ладной фигуркой. Ходила, как и все селянки, ничем не выделяясь, кроме совсем уж старой одежды. До начала гражданской войны сирийская молодежь гарантированно получала бесплатное образование: с шести до одиннадцати лет – начальное, до четырнадцати – общее и до семнадцати – специальное, необходимое для поступления в университет. Зайна проучилась первые шесть лет и хотела продолжить учебу, но у родителей были другие планы. В семье катастрофически не хватало рабочих рук – один сын служил в армии, второй умер от заражения крови, третий родился инвалидом – был наполовину парализован. И вместо общей школы девушка отправилась ухаживать за кукурузой. Так и увязла в земледелии, в то время как большинство сверстниц получило общее и специальное образование, некоторые вообще уехали в Дамаск, где поступили в вузы.

– У тебя, Зайна, как и у любой женщины, деньги всегда имеются для расплаты, – подмигнув, сказал Акур.

– Какие у меня имеются деньги? – не поняла она.

– Хватит прикидываться. И говори нормально – на арабском.

Кивнув, она перестала вставлять курдские слова, но даже на чистом арабском все равно возразила:

– Нет у меня денег, честное слово! Неделю назад на последние пять фунтов купила лекарства для брата.

– А между ног у тебя что?

– Что? – недоуменно захлопала она длинными ресницами.

– Валюта у тебя там. Причем самая твердая – с кем угодно и за что угодно можешь расплатиться.

Поняв намек соседа, Зайна проглотила вставший в горле ком и выдавила:

– Ты серьезно?

– Абсолютно. Предлагаю договориться о цене. Я тебе, как и прежде, буду раз в неделю привозить овощи и крупы, а ты будешь уделять мне часок своего бесценного времени. Ну что, идет?..

Одинокому человеку на селе трудно. Тем более, если этот человек – слабая девушка. Слишком много мужской работы возлагается на ее хрупкие плечи: в доме, во дворе, в поле... А сильного мужчины рядом нет. И что же ей делать? Правильно – надо кого-то нанимать. Вот и обратилась за помощью около года назад к сыну соседей – Акуру, который к тому времени вернулся из армии.

Молодые граждане Сирии призывались в сирийскую армию на полтора года по достижении восемнадцати лет. И призывались лишь в том случае, если в их семьях имелись братья. Если таковых не было – юноши считались кормильцами семей и призыву не подлежали.

У Акура имелось четыре младших брата, в армию он ушел с большой охотой и вернулся ракиб тани – старшим сержантом. Вернулся возмужавшим, окрепшим, загорелым и пышущим здоровьем.

Удивленные соседи интересовались: «Почему не подписал контракт и не остался мусайдом – мастер-сержантом?»

«Успею, – отмахивался тот, – подписать контракт никогда не поздно...»

Так и ввязался после полутора лет перерыва в сельское хозяйство: большая семья довольно успешно выращивала ячмень, кукурузу, овощи, бахчевые, фрукты, фасоль... Когда умерли родители Зайны, семья Тубур арендовала две трети соседской земли и стала едва ли не самой богатой в районе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.